

Засодимский Павел Владимирович

Задушевные рассказы

Том 1. В 2 томах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Задуманные рассказы: Том 1. В 2 томах / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 277 с.

ISBN 978-5-519-85861-8

ISBN 978-5-519-85861-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

заслуживающимъ за то упрека... Вѣдь и въ мірѣ дѣйствительности, какъ въ этихъ маленькихъ повѣстяхъ, несравненно болѣе горя, чѣмъ радостей; вѣдь и въ жизни такъ же, какъ въ этой маленькой книгѣ, несравненно чаще можно видѣть слезы, чѣмъ веселую, сіяющую улыбку... Рюкертъ замѣчаетъ, что поэтъ долженъ чаще и больше говорить о людскихъ страданіяхъ, о горестяхъ, нежели о радости и наслажденіяхъ, — если желаетъ, чтобы его произведенія были ближе приняты къ сердцу большинствомъ его читателей. И Рюкертъ совершенно справедливо это объясняетъ именно тѣмъ, что —

. . . „ Многимъ не дано
Извѣдать въ мірѣ наслажденья,
Но въ *каждой* груди есть зерно
Тяжелой скорби и сомнѣнья“.

Павелъ Засодимскій.

Да если бы это было и не такъ, то и тогда дѣтскій писатель, преслѣдуемый воспитательными цѣли, долженъ былъ бы пренебречь упреками, о которыхъ говоритъ авторъ. Окружающая жизнь, катящая свои холодныя волны по руслу личнаго благополучія, съ неумолимымъ постоянствомъ размываетъ въ насъ лучшія чувства, соединенныя съ любовью къ ближнему. Спрашивается, гдѣ же отыскать матеріалъ для поэмы, которая могла бы достаточно успѣшно сопротивляться напору этого всепоглощающаго потока? Всего легче пайти такой матеріалъ въ самомъ сердцѣ человѣка, усиливая его *благородныя* бѣшенія въ томъ періодѣ жизни, когда оно наиболѣе воспримчиво ко всему высокому и идеальному. Кто испытаетъ такія усиленныя бѣшенія въ юности, оставляющей неизгладимые слѣды на всей дальнѣйшей жизни человѣка, тотъ, навѣрно, будетъ долѣе сопротивляться охлаждающему дѣйствію житейскихъ волнъ. Большинство собранныхъ въ этой книжкѣ разсказовъ именно и имѣетъ въ виду своими грустными картинами заставить сердечныя струны юнаго читателя отзываться въ мажорномъ тонѣ на звуки, исторгаемые изъ груди бѣдняка суровыми ударами судьбы...

Издатель.

I.

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

I.

Морозная сегодня будетъ ночь!

Не даромъ надъ большимъ городомъ такъ ярко горятъ звѣзды въ ясномъ, безоблачномъ небѣ, и чуть ли не ярче всѣхъ горятъ, переливаясь голубоватымъ свѣтомъ, три звѣзды Большой Медвѣдицы. Недаромъ въ сумерки, послѣ заката солнца, даль казалась задернутою какимъ-то сизовато-розовымъ туманомъ. Не даромъ весь день бѣлый дымъ изъ трубъ поднимался прямо-прямо къ голубому небу.

Румяная заря уже давно пропала на западѣ. Мглистый, холодный вечеръ переходитъ въ ночь. Уличные фонари уже давно зажжены, и надъ ними обозначаются въ туманѣ сіяющіе круги... Деревья покрыты густымъ инеемъ—и, серебрясь при неясномъ, ночномъ освѣщеніи, неподвижно стоятъ они то въ одиночку за церковными оградами, то идутъ стройными рядами вдоль бульваровъ, то кучкой тѣснятся въ садахъ. Усы и бороды у идущихъ и ѣдущихъ побѣлѣли, а щеки и носы зарумянились на-славу. Сегодня—неугомонный день: ѣзда

большая. Отъ лошадей, несущихся по всеѣмъ направле-ніямъ, валить парь... И въ облакахъ этого бѣловатаго пара, какъ фантастическіе образы, какъ тѣни въ китайскомъ фонарѣ, появляются и мгновенно исчезаютъ то экипажи, то лошадиная морда съ разметавшеюся гривой, то пѣшеходъ, перебѣгающій черезъ улицу. Окна магазиновъ все залиты свѣтомъ. Прохожіе заглядываютъ въ нихъ, кутаются въ мѣха и шарфы и бѣгутъ, а впереди ихъ забѣгаютъ ихъ же длинныя тѣни. Тѣни все растутъ и растутъ и достигаютъ чуть не до половины улицы... Сегодня ночью, 31 декабря, когда часовая стрѣлка подойдетъ къ XII, все эти люди скажутъ или, по крайней мѣрѣ, подумаютъ про себя: «Старый годъ прошелъ: начнемъ жить новый!»

Воздухъ тихъ, и ясно слышится въ немъ скрипъ полозьевъ по снѣгу, говоръ, стукъ дверей; всякій уличный звукъ отчетливо слышится. Слышно, какъ тамъ далеко, за рѣкой, на высокой крѣпостной башнѣ, черезъ каждые 15 минутъ, играетъ тихая, ноющая музыка. Въ такую ночь, ясную и безмолвную, кажется, все слышно... Разумѣется, это говорится только для краснаго слова: какъ бы ни была свѣтла и тиха ночь, никогда нельзя увидать и услыхать всего, что происходитъ за стѣнами домовъ, а еще пуще — что творится въ душѣ человѣка.

Но всякій, конечно, слыхалъ о знаменитой шапкѣ-невидимкѣ или о сказочномъ коврѣ-самолетѣ. Эту шапочку и этотъ чудесный коверъ мы называемъ *воображеніемъ*. Сила воображенія — громадна. При помощи этой силы дѣлались великія открытія и изобрѣтенія въ наукѣ и искусствѣ. При помощи ея, не выходя изъ тѣсной

комнатки, человѣкъ въ одно мгновеніе ока можетъ облетѣть весь міръ, перенестись за горы, за моря, перенестись за много тысячъ верстъ въ мѣста знакомыя, родныя или въ такіе края, гдѣ онъ никогда не бывалъ и не будетъ, можетъ даже вѣявъ увидать то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, но что могло бы быть и что, можетъ статься, осуществится лишь черезъ много-много вѣковъ, когда отъ него и костей не останется... При помощи же воображенія, мы заглянемъ теперь за толстыя каменные стѣны домовъ, даже заглянемъ гораздо глубже, дальше — въ людскія души; посмотримъ, что происходитъ тамъ, на днѣ ихъ въ ночь на Новый годъ. И такъ, нахлобучимъ свою шапку-невидимку, сядемъ на заколдованный коверъ-самолетъ и пустимся въ путь.

II.

Вонъ, въ бельэтажѣ рядъ освѣщенныхъ оконъ. Тамъ, въ залѣ, собралось дружеское веселое общество. Зала — большая, прекрасная комната съ паркетнымъ поломъ, съ свѣтлыми, подъ мраморъ расписанными, обоями, съ позолоченнымъ карнизомъ, съ мягкими малиновыми портьерами и съ великолѣпными картинами по стѣнамъ. Посреди залы стоитъ елка, и темная зелень ея рѣзко обрисовывается на бѣломъ фонѣ стѣнъ. Елка сверху до низу горитъ огнями; вся она увѣшана и обставлена игрушками, бонбоньерками. Дѣти и взрослые на этотъ разъ смѣшались въ одну толпу. Веселый говоръ, смѣхъ и шутки не умолкаютъ. Въ комнатѣ становится жарко, даже немного душно, припахиваетъ воскомъ и духами.

Разноцвѣтныя свѣчи горятъ; ихъ пламя дрожить и колеблется. Блестятъ дѣтскіе глазки, а лица отъ жары и веселья раскраснѣлись, какъ маковъ цвѣтъ.

Вотъ и отецъ семейства—высокій, немного полный мужчина, красивый, съ цвѣтущимъ лицомъ — стоитъ тутъ же, у елки, побрякивая своими золотыми брелоками, съ мягкой, самодовольной улыбкой поглядываетъ

на играющихъ дѣтей. А милыя дѣтки съ крикомъ бѣгаютъ, снуютъ вокругъ него... Дѣвочка съ свѣтлыми, золотыми локонами, въ легкомъ кисейномъ платьицѣ, съ розовой шелковой лентой вокругъ талии, подбѣгаетъ къ отцу, тянетъ его за рукавъ и лепечетъ:

— Папаса, папаса! Купи мнѣ

большую куклу со слейфомъ и съ такимъ большимъ синьонемъ...

И дѣвочка широко разводитъ рученками, показывая, какъ великъ долженъ быть у ея куклы шиньонъ.

— Купись? пристааетъ она.

Отецъ съ счастливой улыбкой наклоняется къ ней,

беретъ ее за плечо и ласково, и нѣжно цѣлуетъ и любитъ на ея разгорѣвшіяся щечки, на ея блестящія глазки, на ея распустившіеся отъ бѣготни прелестные локоны. Онъ обѣщаетъ завтра же купить ей большую, большую куклу, съ длиннымъ-предлиннымъ шлейфомъ.

— Какъ у мамаси? Да? допрашиваетъ маленькая красавица.

Отецъ съ улыбкой киваетъ ей утвердительно головой. Дѣвочка довольна, счастлива. Она увѣрена, что завтра у нея будетъ кукла. Сегодня ночью, когда она ляжетъ спать, ей навѣрно пригрезится обѣщанная кукла съ длиннымъ-предлиннымъ шлейфомъ и въ громадномъ шиньонѣ. И много другихъ радостей будетъ ей въ новомъ году на яву и во снѣ.

Ея братишка—также прехорошенькій кудравый мальчуганъ, въ щегольской курткѣ и съ картонной саблей въ рукѣ—бесѣдуетъ въ то же время съ мамашей

— Только, мама, мнѣ нужны такія краски, какъ я тебѣ, помнишь, показывалъ въ томъ магазинѣ... самыя, самыя хорошія... знаешь? говоритъ онъ, собираясь уже бѣжать, вдругъ останавливается, припадаетъ къ плечу матери и умильно шепчетъ ей на ухо:—А покататься намъ завтра съ Сережей на Ворономъ можно? Мамочка, голубочка, вѣдь можно?

Конечно, можно: все можно ему, любимчику-сыну! Мамаша все обѣщаетъ ему — и краски, самыя лучшія на свѣтѣ, и всевозможныя катанья и гулянья. И вѣрно сдержитъ она свое обѣщанье. Мальчуганъ во снѣ станетъ растирать свои краски, будетъ кататься на Воронокѣ и погуляетъ вволю.

А мамаша, сама еще молодая дама, сидитъ немного

поодаль от шумной толпы, опершись рукой на столик, и также смотреть на зеленую елку— всю въ блескъ и въ огнѣ. На рукѣ ея горитъ золотой браслетъ, на груди блеститъ брошь — вся въ алмазахъ. Кроткая, сіяющая улыбка играетъ на ея алыхъ, полураскрытыхъ губахъ, а глаза задумчиво перебѣгаютъ съ елки на дѣтей, а съ дѣтей—на любимого мужа... Отецъ и мать надѣются, что новый годъ будетъ исполнять всѣ ихъ желанія такъ же охотно, какъ исполнялъ ихъ добрый старый годъ, готовый уже кануть въ вѣчность. А желанья ихъ, между прочимъ, заключаются въ томъ, чтобы дать дѣтямъ какъ можно больше счастья въ жизни. Для нихъ—улыбки и привѣтъ отъ окружающихъ, для нихъ—радости и свѣтлыя надежды, солнце и цвѣты, все для нихъ—для этихъ милыхъ малютокъ!

Въ бельэтажѣ весело; счастливо прожили годъ и весело начали новый...

III.

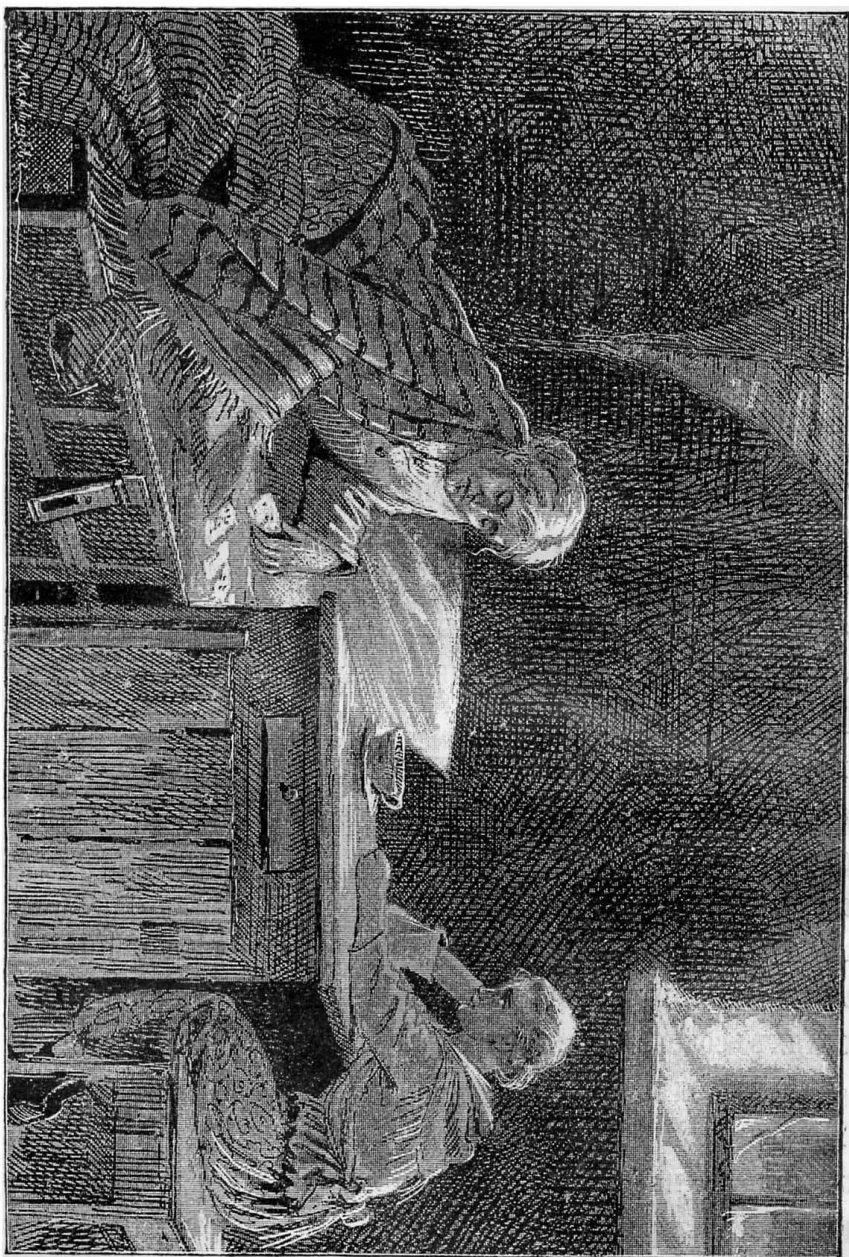
Въ томъ же самомъ домѣ, только пониже, въ подвальномъ этажѣ—встрѣчали Новый годъ иначе.

Тамъ, въ низенькой, маленькой тѣсной комнаткѣ, убогой и грязной, у стола, придвинутого къ единственному крохотному окошечку, сидѣла дѣвочка въ дрянненькомъ, полиняломъ ситцевомъ платьицѣ, въ большихъ стоптанныхъ башмакахъ на босу ногу и въ какой-то позаношенной синей кофточкѣ съ продранными локтями. Подолъ ея платья такъ истрепался, что кое-гдѣ висѣлъ бахромой. Башмаки, очевидно, были не ея, а съ чьей-то другой, чужой ноги, потому что ея худыя ножонки

свободно болтались въ нихъ. Кофточка же была въ такомъ жалкомъ положеніи, что, право, трудно сказать, чего было на ней болѣе: заплатъ или дыръ...

Огно выходило на дворъ и было такъ низко, что дѣвочка легко могла бы видѣть изъ него камни мостовой, если бы морозъ не затянулъ стекла сверху до низу ледяными рисунками, да если бы дворникъ не подкатилъ къ нему почти вилоть свою телѣжку-водовозку. Да и не стоило глядѣть въ это окошко: изъ него не видно ни кустика, ни деревца, ни единого клочочка голубаго неба. Каменные стѣны замыкали дворъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. И сколько дѣвочка ни наклоняйся, какъ ни загибай голову—не увидать ей изъ окошечка, какъ высоко поднимаются вверхъ эти желтовато-сѣрые каменные стѣны. Противъ самаго окна устроена водосточная труба, а полѣвѣе, въ углу двора, зияетъ помойная яма... Ни золотистому солнечному лучу, ни серебристому сіянію мѣсяца невозможно пробраться въ эту коморку. Здѣсь сыро и холодно; тяжелымъ, удушливымъ запахомъ пропитанъ здѣсь воздухъ. При тускломъ, колеблющемся пламени сальной свѣчи можно замѣтить, что на потолкѣ и на стѣнахъ отъ сырости выступили большія, темныя пятна, что углы и подоконники позеленѣли, а въ щеляхъ совершенно безцеремонно бѣлѣлъ иней.

Кромѣ дѣвочки, сидящей у стола, въ коморѣ есть еще одно живое существо. Въ углу на сундукѣ, прикрытая лохмотьемъ, лежитъ старуха. Она немного приподнялась со своего жесткаго ложа, высвободила изъ-подъ лохмотьевъ костлявыя руки и тихо, медленно раскладываетъ карты. Карты засалены, замаслены, какъ и все засалено, замаслено въ этой грязной и вонючей

Еонурѣ,—я должно думать, что только привычные глаза старухи могли отличать ваетовъ отъ королей и одну